

Раньше он ошибался, недооценивая, что Оу Шаовэнь не был молодым человеком с правильным мировоззрением, жизненной позицией и ценностями. Самое сложное заключалось в том, что он также не был чистым листом, как ребёнок. У него уже были укоренившиеся убеждения, он не обладал пробуждённым самосознанием, и его мысли всегда вращались вокруг самопожертвования. У него не было особых предпочтений в еде или интересах, он был похож на маленькую лису из древних мифов, которая всем сердцем стремилась отплатить за добро. Если ты случайно становился его благодетелем, то мог легко управлять его эмоциями и получать его искреннюю преданность.

Он не должен был позволять такому человеку действовать исключительно по своей воле. Он боялся представить, какие глупости мог бы совершить Оу Шаовэнь в таком состоянии.

Но ничего страшного. В будущем он будет постепенно учить его, показывая, насколько интересен этот мир.

Он должен иметь друзей, с которыми можно шутить и делиться своими мыслями, которые будут обращаться к нему за помощью в трудные моменты и сами протянут руку, когда он будет в ней нуждаться.

Он также может отправиться в увлекательное путешествие, увидеть множество разных пейзажей и встретить самых разных людей.

Или же он может построить успешную карьеру, стоять в центре сцены, получать любовь и восхищение бесчисленных людей, наслаждаясь их теплотой и заботой. Тогда он будет получать множество цветов и писем, наполненных искренними чувствами фанатов. Они будут беспокоиться о том, сколько часов он спит, замечать малейшие синяки на его запястьях, поддерживать любое его решение и показывать, что значит быть безоговорочно любимым.

Тогда он, вероятно, больше не захочет дарить им подарки один за другим и без колебаний отдавать своё сердце фанатам.

Размышляя об этом, Оу Жэньцзинь даже подумал, что превращение Оу Шаовэня в человека, способного спокойно принимать любовь других, может быть гораздо интереснее, чем создание всех тех спектаклей и игр, которыми он занимался раньше.

— Хорошо, я верю, что тебе не больно. — Дурак, без сердца, сознание исчезает под действием анестезии, конечно, больше не будет боли.

— Тогда мы...

— Как странно! — Оу Жэньцзинь усмехнулся, уголки его губ приподнялись. — Моё сердце пока ещё не совсем отказало, так что давай обсудим этот вопрос, когда оно окончательно выйдет из строя, хорошо?

Оу Шаовэнь моргнул, на его ресницах блестели капли воды. Он сомневающе посмотрел на него, кажется, немного убеждённый его словами:

— Ты пока не хочешь делать операцию?

— Верно. — Оу Жэньцзинь, словно играя, вытер слезу с его ресниц указательным пальцем. — Я пока не хочу, сейчас ещё не время для операции, верно? Так что пока не думай о том, чтобы жертвовать сердцем. Я немного голоден, можешь сварить мне кашу? На шестом этаже, справа от лифта, есть моя личная кухня, в холодильнике должны быть простые продукты.

Он поднял бровь, чтобы убедиться:

— Справишься с задачей?

Оу Шаовэнь встал и слегка кивнул:

— Справлюсь.

Наконец, он отложил вопрос об операции в сторону и направился на кухню, чтобы приготовить кашу для Оу Жэньцзиня. Только что он подошёл к двери, как Гуань Цицзюнь постучал и вошёл, держа в руках изящную коробку с едой.

— Господин Оу, я заказал две порции каши с мясом из ресторана «Рыба и Баранина». Вы и господин Шаовэнь можете немного перекусить.

Оу Шаовэнь обернулся и посмотрел на Оу Жэньцзиня, словно ожидая его указаний.

Оу Жэньцзинь нахмурился, но затем успокаивающе улыбнулся ему:

— Но я хочу, чтобы ты приготовил мне простую кашу, ничего не добавляй.

— Хорошо. — Оу Шаовэнь кивнул, снова слегка обрадовавшись этим словам.

Гуань Цицзюнь остался стоять на месте, пока Оу Шаовэнь тихо закрыл за собой дверь. В палате воцарилась напряжённая атмосфера. Гуань Цицзюнь предвидел, что сейчас произойдёт, и спокойно подошёл к кровати, поставил кашу на тумбочку и произнёс:

— Господин Оу.

Оу Жэньцзинь тихо засмеялся:

— Кажется, я уже говорил тебе, что терпеть не могу, когда кто-то действует по своему усмотрению. Тогда ты ответил: «Больше такого не повторится».

Гуань Цицзюнь стоял прямо, опустив голову в молчании.

— Случайно услышал в телефоне, как медсестра меняет лекарства? — Оу Жэньцзинь беспечно щёлкнул по капельнице, чтобы удалить маленькие пузырьки воздуха. — Кажется, я взял тебя на работу в качестве ассистента не из-за твоих выдающихся способностей, а потому что ценил твою внимательность и предусмотрительность. Теперь я вижу, что ты действительно очень внимателен.

— Простите, господин Оу. — Гуань Цицзюнь не нашёл других слов.

— Ты, наверное, думаешь, что я обычно высокомерен перед посторонними, а наедине кажусь слишком жалким? Тебе интересен этот контраст? Возможно, это пробудило в тебе желание защищать меня? — Взгляд Оу Жэньцзиня был насмешливым, он приподнял бровь. — Иначе, зачем тебе, человеку, не связанному со мной родственными узами, так беспокоиться о моём повреждённом сердце?

— Господин Оу. — Гуань Цицзюнь поднял голову, его глаза покраснели. — Я просто не могу смириться с тем, что вы умрёте.

— Не можешь смириться? — Оу Жэньцзинь засмеялся ещё громче. — Если не можешь, тогда

вырежи своё сердце и подари его мне. Я буду очень тронут.

Гуань Цицзюнь сжал кулаки:

— Если бы у нас совпала группа крови, я бы так и сделал.

Оу Жэньцзинь смотрел на его решительный взгляд, и через некоторое время, казалось, поверил ему. Он убрал с лица насмешливую улыбку, его взгляд стал серьёзным:

— А ты знаешь, что группа крови совпала?

Гуань Цицзюнь содрогнулся, его глаза расширились от недоверия.

— Ты не знал, но тогда, перед тем как отдать тебе отчёт о совместимости, я его подменил. — Оу Жэньцзинь произнёс это так легко, будто его слова не были подобны взрыву атомной бомбы. — Я не хотел, чтобы мой ассистент постоянно боялся, что его убьют по приказу начальника.

— Тогда я не хотел твоего сердца, и сейчас не собираюсь трогать сердце Оу Шаовэня. — Оу Жэньцзинь помолчал, а затем вынес окончательный вердикт. — С завтрашнего дня ты увольняешься. Оформление документов можешь завершить после праздников.

— Я... — Гуань Цицзюнь издал прерывистый звук.

Оу Жэньцзинь пристально смотрел на него, словно ожидая, что он что-то скажет.

Гуань Цицзюнь всё ещё находился под впечатлением от только что произошедшего, он не мог быстро смириться с этим внезапным фактом. Он открыл рот, но его горло словно перехватило, и он не мог произнести ни слова.

Прошло полминуты, и Оу Жэньцзинь, видя его редкое выражение растерянности, внезапно рассмеялся:

— Я тебя обманул, кажется, моя актёрская игра всё ещё на высоте. Не бойся, отчёт о совместимости был настоящим, и тогда ты действительно не подходил мне.

Вторая атомная бомба взорвалась в его сознании, и Гуань Цицзюнь мгновенно осознал, что произошло. Он взглянул на Оу Жэньцзиня с мольбой, пытаясь что-то объяснить.

— Я думал... — Оу Жэньцзинь лишь слегка покачал головой, не испытывая особого разочарования. — Ты повторишь свои слова о готовности, но, как видишь, это не так.

Это была нормальная реакция.

Хотя, нет, это уже была реакция человека, близкого к нему. Обычный человек, услышав такое, просто решил бы, что он сумасшедший, и сразу же вызвал бы полицию, обвинив его в попытке убийства.

Так что Оу Шаовэнь, этот ребёнок, действительно был исключением.

— Что ты всё ещё стоишь? Уходи. — С самого начала его выражение было расслабленным, без тени гнева. Произнеся это, он даже помахал ему рукой, сказав:

— Желаю тебе светлого будущего.

Услышав такой тон Оу Жэньцзиня, Гуань Цицзюнь понял, что возврата к прежнему не будет. В этот момент он не был в состоянии думать о чём-то другом, всё ещё потрясённый своим собственным колебанием.

За долгие годы, проведённые рядом с Оу Жэньцинем, переживая его страдания, в поисках донорских органов, которые давали надежду, но приводили лишь к разочарованию, он не раз думал о том, как бы хорошо было, если бы он подошёл ему в качестве донора. В этом мире у него не было привязанностей, и он был готов отдать свою жизнь за него.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16325/1473670>